

Глава 22. Вернуться в родительский дом и занять денег?

Уже на следующий день дело сдвинулось с мёртвой точки. Хо Сан напрямую обратился к старосте деревни и заявил, что собирается продавать землю. Земли в деревне Нанькоуба отличались ровностью и плодородием, даже за самые неудобные участки люди готовы были хвататься наперебой.

Новость о том, что Хо Сан продаёт землю, разлетелась мгновенно, и желающие нашлись тут же, причём с деньгами наготове. В Нанькоуба в среднем у каждой семьи было по десять му земли. Семья Хо была исключением: у них имелось всего пять.

Цена за му в это время колебалась, но земли Нанькоуба считались самыми дорогими — по восемь лянов серебра за му. К тому же на полях уже рос урожай, и существовало два варианта: либо продать только землю, оставив себе право собрать посевы, либо продать всё вместе — тогда цена выходила выше. Хо Сан решил продать три му сразу с урожаем и не оставлять себе зерно. Деньги будут на руках, а без зерна для уплаты налога серебра всё равно хватит.

Услышав о продаже земли, бабушка не смогла сдержать слёз и долго плакала. Эти пять му достались им ценой невыразимых лишений... сколько горя они вынесли ради них. А теперь одно лёгкое слово «продать», будто все прежние страдания ничего не значили.

Хо Син утешать не умел. Он лишь посмотрел на бабушку и сказал, что потом они смогут купить землю уже в уездном городке.

Мяо Ин был куда спокойнее:

— Бабушка, если земля останется у него, она же всё равно зарастёт. Все поля ведь возделывали вы. Чем дать земле пропасть, лучше обменять её на деньги. Мы ещё сможем подняться.

Бабушка кивнула и, сжимая руку Ли Хунъин, тихо сказала:

— Хунъин... не хочу больше быть тебе обузой.

— Что вы такое говорите, мама? — мягко возразила Ли Хунъин. — Все эти годы я относилась к вам как к родной матери. Я не позволю вам остаться здесь и страдать.

Ли Хунъин выглядела бодрой и свежей. На её лице не было ни тени уныния из-за расставания с домом. Всё её сердце было переполнено радостью от мысли о новой жизни.

Хо Сан действовал быстро. Три му земли вместе с урожаем он продал за тридцать лянов серебра. После вычета налогов на руки осталось двадцать восемь с половиной. Изначально он собирался отдать Ли Хунъин лишь пять лянов, но под давлением Мяо Ин и Хо Сина, в итоге выдал ей десять.

Когда серебро оказалось у неё в руках, староста от имени деревни написал документ о разводе. Уже на следующий день его отправили в уездную управу, а к полудню староста вернулся с готовой бумагой. С этого дня Ли Хунъин больше не была женой Хо Сана. Теперь она принадлежала только самой себе.

Чжан Хунъэр не могла дождаться, когда войдёт в дом. К счастью, Ли Хунъин заранее собрала все вещи. Получив документ, она сразу закинула за спину узелок. Внутри было совсем немного вещей, самым ценным оставались те самые десять лянов серебра.

Мяо Ин тревожился, отпуская мать одну, и потому попросила Хо Сина проводить её. Хо Син, глядя на шум и суматоху во дворе, где Хо Сан и Чжан Хунъэр уже вовсю хозяйничали, бросил на Мяо Ина обеспокоенный взгляд.

— Не волнуйся за меня, — Мяо Ин похлопала его по плечу. — Я справлюсь с бабушкой и Сяобао. Ты сначала обустрой маму. Не переживай, они меня не обидят.

Только после этого Хо Син вышел из дома вместе с Ли Хунъин. Но никто и представить не мог, что Хо Сяобао, который почти никогда не плакал, увидев мать с узелком за плечами, вдруг с рыданиями бросился к ней и обхватил её ноги:

— Мама... мама, не уходи...

У Ли Хунъин покраснели глаза. Она нежно погладила его по голове и тихо сказала:

— Всё хорошо. Через несколько дней старший брат приведёт тебя ко мне.

Хо Сяобао всё равно не мог остановить слёзы. Мяо Ину пришлось подхватить его на руки:

— Я ведь остаюсь дома. Чего ты плачешь?

Мальчик всхлипывал, послушно обнимая Мяо Ина за шею:

— Невестка... невестка...

Мяо Ин продолжил, по-военному расправив плечи:

— Называй меня «брат». Давай, попрощайся со старшим братом и с мамой. Через пару дней отведём тебя к ним.

Хо Сяобао вытер глаза обеими ладошками и послушно попрощался с Хо Сином и Ли Хунъин.

У Хо Сина дёрнулся кадык, но всё же он сказал:

— Поставь его на землю, твоя рана ещё толком не зажила.

Мяо Ин пришлось опустить мальчика. Хо Сяобао, будто всё ещё не чувствуя себя в безопасности, снова обхватил его за ногу.

Ли Хунъин тоже вытерла слёзы и вместе с Хо Сином ушла из дома, в котором прожила почти двадцать лет.

Когда они скрылись из виду, Мяо Ин увёл Хо Сяобао обратно во двор. С делом матери было покончено, а дальше предстояло делить дом уже им двоим. У Хо Сана на руках оставалось ещё восемнадцать лянов серебра, и десять из них он собирался забрать с собой.

Вернувшись во двор, Чжан Хунъэр тут же приняла вид хозяйки дома. С бабушкой она не смела говорить громко, зато перед Мяо Ином сразу разыграла спектакль:

— Чего стоишь? Иди готовь!

Мяо Ин фыркнул:

— Не боишься, что я яду подсыплю?

Чжан Хуньэр выпрямила спину:

— Думаешь, без твоего муженька я с тобой не справлюсь?

— Ой, как страшно, — лениво протянул Мяо Ин. — Вместо того чтобы строить из себя грозную, лучше бы сходила по деревне, да разузнала, что я за человек. Или хотя бы поинтересовалась, кто у меня за родня.

У Чжан Хуньэр ёкнуло сердце.

Мяо Ин продолжил:

— Даже не надейся, что я буду тебе прислуживать. Я и так великодушен, раз не заставляю тебя служить мне.

С этими словами он увёл Хо Сяобао к себе в комнату, нашёл кусочек сладкой выпечки, чтобы тот перебил голод, а потом отнёс немного и бабушке, тихо сказав:

— Когда они уйдут со двора, я вам приготовлю поесть.

К счастью, всё купленное в последние дни мясо уже съели, а рис и муку, что в прошлый раз привезли из дома родни Мяо Ина, бабушка заранее припрятала.

История с разводом Ли Хуньин очень быстро облетела всю деревню. Многие видели, как она уходила, и потому несколько дней подряд это стало главной темой пересудов.

— А что тут такого, чего не принять? Возраст уже не тот, и сказать не стыдно, — в пору сельского затишья люди без дела собирались на току, где сушили зерно, болтая обо всём подряд. Тётушка Чжан прикрыла рот ладонью и засмеялась.

— Ну не говорите так, — один фулан пригладил одежду. — Одного ведь она уже вырастила, а второго почему вдруг не захотела? Самое смешное, что при разводе ещё и свекровь с собой увести хотела. И не поймёшь, то ли глупая, то ли умная.

— Вот именно, — тут же откликнулся другой голос. — С чужой матерью она ладит, а ты? Я слышал, твоя свекровь по ночам к тебе в дверь стучит и боится, как бы вы с мужем вместе не спали.

Фулан подавился словами, он не успел и рта открыть, как тот же голос продолжил:

— И вы тоже хороши, тётушка. Возраст-то у вас немалый, а смеются над вами ещё больше. Невестку сыну сколько лет уже ищите? Так и не нашли? Позавчера опять к кому за деньгами на выкуп бегали?

Лицо тётушки Чжан потемнело. Она подняла глаза и увидела Мяо Ина, стоявшего неподалёку. На его красивом лице играла улыбка, будто все эти колкие, ранящие слова только что сказал вовсе не он.

Взгляд Мяо Ина медленно прошёлся по всем, кто перемывал кости его семье: тут были и фуланы, и тётушки, и даже несколько мужчин. Заметив его, все сразу смущённо притихли.

Он подумал, что люди просто слишком праздны: было бы работы побольше — и ни у кого не осталось бы сил судачить о чужих делах.

— Если я ещё раз услышу, как кто-нибудь судачит о делах нашей семьи, — Мяо Ин всё так же улыбался, — не обижайтесь, если я что-нибудь сделаю.

Люди невольно вспомнили прежние слухи о Мяо Ине. Никто не понимал, почему он вдруг так переменялся, стал выглядеть человеком, который будто бы всё делает ради семьи Хо. И уж тем более никто не знал, какое зелье он на самом деле держит за пазухой.

Обойдя деревню кругом, Мяо Ин вернулся домой. Хо Сана и Чжан Хунъэр не было, во дворе на солнышке сидели бабушка и Хо Сяобао. Ли Хунъин уже два дня как ушла, и бабушке казалось, что всё вокруг стало непривычным, а дом — пустым и гулким.

Услышав от бабушки, что те двое отправились в уезд к лекарю, Мяо Ин быстро зашёл на кухню и пожарил два блюда.

Эти пару дней Мяо Ин вообще ничего не делал — только сидел дома, обнимая Хо Сяобао. Чжан Хунъэр, похоже, его побаивалась и больше не осмеливалась командовать. А бабушке он и подавно не смел перечить. Все эти дни готовила именно Чжан Хунъэр.

С детства она училась лишь навыкам из публичных домов, где уж там разбираться в дровах, рисе и масле... Потому эти несколько дней стали для них самыми невкусными за всю жизнь. Сейчас, пока их не было дома, Мяо Ин решил хоть немного поесть нормально. Всё-таки Хо Сяобао был в самом разгаре роста.

— Не знаю, как там твоя мать... И Хо Син уже два дня как не возвращается, — бабушка кое-как съела пару кусочков еды, потому что вся была в тревоге.

— С Хо Сином всё будет хорошо, — сказал Мяо Ин, подкладывая ей еды, а затем и Хо Сяобао. — Мы скоро снова будем вместе с мамой.

— Так какой у тебя всё-таки план? — спросила бабушка.

— Потихоньку, шаг за шагом, — ответил Мяо Ин. — Постараться до нового года съехать. Бабушка, вы знаете, где находится мой родительский дом? Я хочу написать письмо старшему брату.

Он всё обдумал: слухи о нём уже пошли, но кто знает, какие ещё могут возникнуть перемены при разделе семьи. С таким старшим братом, словно гора за спиной, ему было бы спокойнее.

— Твой родительский дом в соседнем посёлке. От нас до них пешком примерно два часа, — бабушка хорошо это знала: ведь тогда она сама участвовала в смотринах этого брака.

Мяо Ин смутился. Он и правда не представлял, как добраться до родного дома, ведь дорогу он попросту не знал.

— Дорога к твоему дому очень простая, — сказала бабушка. — А-Син разве не водил тебя в посёлок? Перед самым посёлком есть развилка, всего одна. Повернёшь туда, пройдёшь ещё полчаса и увидишь мясную лавку твоей семьи.

Мяо Ин вспомнил прежние походы с Хо Сином в посёлок, но никакой развилки он не видел. Зато по дороге в уезд их было сколько угодно. Он переспросил:

— В посёлок или в уезд?

— В посёлок, — рассмеялась бабушка. — Я ещё не до такой степени выжила из ума. Наверное, тогда ты был ранен и не обратил внимания. Там перед самым посёлком всего одна развилка.

Мяо Ин кивнул:

— Тогда завтра же и пойду. Тянуть нельзя.

Бабушка тоже кивнула, потом встала, вернулась в комнату и вынула из своей корзинки для шитья узелок:

— Мы бедные, но в родительский дом нельзя идти с пустыми руками. Это я вместе с твоей матерью сделала — головной платок и носовые платочки. Возьмёшь, подаришь своей матери. И заодно зайди в посёлок, купи каких-нибудь сладостей... так будет приличнее.

Мяо Ин принял вещи и снова кивнул.

Сказано — сделано. Уже на следующий день он собрался и отправился к родным. А вскоре после его ухода, покрытый дорожной пылью, домой вернулся Хо Син. Но во дворе Мяо Ина уже не оказалось.

Он посмотрел на бабушку.

— Сяо Ин ушёл в родительский дом, — сказала она.

Хо Син застыл на месте:

— Зачем?

Бабушка покачала головой:

— Денег занять, наверное.

Хо Син словно громом поражённый остолбенел и снова почувствовал себя самым никчёмным мужчиной на всём белом свете.

<http://bllate.org/book/16099/1505970>